

Василий Пачов

Возвращение
заблудшего зверя

18+

Василий Попов

Возвращение заблудшего зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Попов В. Л.

Возвращение заблудшего зверя / В. Л. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Продолжение книги «Исповедь зверя» повествует о возвращении в мир в облике человека-зверя полупризрачного существа, обладающего запредельными способностями. Возрождение, второе пришествие зла на землю или очередная попытка искупить вину и вернуть утраченное положение самого Зверя?

Василий Попов

Возвращение заблудшего зверя

*Деревянные церкви Руси.
Перекошены древние стены...
Подойди и о многом спроси –
В этих срубах есть сердце и вены...
(«Владимирская Русь», группа «Черный Кофе»)*

Покосившийся деревянный сруб. Надломившийся крест, склоненный к земле. Заброшенная обитель своим внутренним дыханием притягивает длинные стебли травы заросшего погоста, хлипкие ветки кустарников и даже толстые ветви деревьев. Манит своим священным вдохом и ее – маленькую рыжеволосую девчонку. Шепот. Многоголосый шепот зовет ее. Сопровождаемый перезвоном колокола и минорными нотами. Алиса входит в опустевший храм. Церковная утварь. Иконы на стенах. Алтарь. Она подходит к священному ложу. Трогает трещины и червоточины потемневшего от времени дерева. Громко хлопает полусгнившая дверь за спиной. Возле «ворот» призрачный силуэт. Без лица. Загорается огонь. Сначала на оплавленных кривых свечах. Затем повсюду, поглощая убранство деревянной церкви. Алисе трудно дышать. Она задыхается от едкого дыма...

Просыпается с хрипом, со сбитым сердцебиением, в мокрой от пота постели. Тревожный взгляд на самое дорогое в ее жизни. Там спокойствие, тихое мирное дыхание...

Алисе шестнадцать. Молодая мать, ставшая родительницей в четырнадцать. В современном мире это уже никакая не странность и дикость, а в некоторых странах абсолютная норма. Не отклонение.

Отклонением от нормы, и вполне обоснованно, принято считать аутичность ребенка или замедление в процессе его развития. Физическая и умственная отсталость.

Воля, Волька, ее «волчонок» до годовалого возраста не реагировал на свет, на звуки и даже на голос собственной приходящей в отчаяние от происходящего матери. Ребенок выглядел пугающе безжизненным, вечно смотрящим в пустоту. Только иногда и, как правило, в непогоду, его черные глаза «оживали», окрашиваясь в желтый цвет. Но это были мгновения, и Алисе казалось, что это лишь ее галлюцинации – побочный эффект от ее успокоительных и антидепрессантов, выписанных психиатром. К этому склонялся и педиатр, следящий за ростом мальчика, выслушивая «необоснованные» тревоги матери.

Пришло время крещения мальчика. И этот обряд не мог пройти без участия Галины – матери Алисы. Верующей, и даже фанатично набожно с определенного момента своей жизни, женщины. Которая с содроганием вспоминает пережитые памятные события, заставившие ее окончательно уверовать в существование бога и... его противоположности.

Гала буквально уговаривает дочь на крестины сына. И то только потому, что Воля застопорился в развитии, Алиса соглашается с аргументами матери, увидев в крещении возможную попытку избавления от недуга. Соглашается, но... в назначенный день жалеет об этом.

День не задался с самого утра. Разбитое штормовыми порывами ветра окно. Мертвая птица на подоконнике. Сгоревший под утюгом платок, ставший причиной возгорания, хоть и быстро ликвидированного Алисой. Волька, «безжизненный», инертный до этого утра, машет руками и ногами, не давая себя одеть. Впопыхах обваренная пролитым кипятком голень ее собственной ноги.

– Давай отложим? – Алиса плакала в трубку телефона, отвечая на звонок ждущей ее с Волькой матери. – Это невыносимо...

– Или сейчас, или никогда! – Галина была неумолима. – Пойми, девочка, эти все препятствия – они... от лукавого; если не сделать нами намеченного, то, что происходит сейчас с тобой, превратится в обыденность и станет в разы хуже... Хочешь, я приеду за вами?

– Нет, – Алиса внезапно взяла себя в руки, глядя на вдруг затихшего, словно слушающего ее Вольку. – Я справлюсь.

Справиться получилось только частично. Она бежала с сыном на руках среди падающих веток деревьев во время грозы, сопровождаемой ураганным ветром. Ни одно транспортное средство не шло в сторону храма. Шел трамвай, электрическая линия которого была обесточена в момент попадания в крышу вагона разряда молнии. Алиса бежала снова. Насквозь мокрая, дрожащая от холода. Вот уже видны сверкающие сусальным золотом купола церкви в промежутке между зданиями. Слышится шепот то ли молитвы, то ли еще чего-то сквозь гром и разряды молний. Дерганья Вольки на ее руках, как назло мешающего бежать. Мать с сыном едва не попадают под тормозящую в сантиметрах от них машину...

Переход проезжей части. Дом, улица, поворот, еще улица. Храм за очередным углом дома. Молящаяся мать возле входа в храм. Последний рывок Алисы с бьющимся на ее руках ребенком. Взгляд ее, полный мольбы, направлен на святое место.

Дверь церкви открывается, священник на ее пороге. Беглый взгляд на Галу. Следующий – на спешащую с Волькой на руках Алису. Он поднимает крест направленным в сторону Алисы движением, его губы шевелятся. Порыв шквального ливня бьет больно Алису по лицу. Она, спотыкаясь и падая, роняет Вольку на газон. Склонившись над плачущим ребенком, видит желтый отблеск молний в его глазах.

– Нет... – Она прижимает сына к груди. – Прости меня, малыш, прости.

Взгляд на порог храма – на его лестнице падшая ниц фигура Галы. Дверь перед ней наглухо закрыта. Мать на коленях, склонившись к мраморным ступеням, качается в поклонах.

Алиса идет домой пешком. И с каждым шагом отдаления от церкви спокойней становится ребенок на ее руках. Непогода затихает. Ветер разгоняет тучи. Возле дома их даже «встречает» солнце. Волька мирно засыпает. Нежный поцелуй. Очередное материнское «прости»...

Но странности продолжились: несостоявшееся крещение, словно пробудив жизнь в ребенке, дало толчок к его развитию. И причем, к стремительному...

В два с лишним года Волька выглядел на все шесть лет, бегло читал, считал, умножая и деля в уме трех-четырёхзначные числа, рисовал непонятные для Алисы формулы, знаки, пантакли и говорил на разных языках, которые не понимала ни мать, ни редкие очевидцы, случайно слышащие это.

Подобный старт в развитии выровнял эмоциональное состояние Алисы, но впоследствии он же породил и страхи. Как и люди, проявившие к мальчику внезапный интерес. Визуально это были представители христианской веры, но их взгляды не говорили о милосердии и доброте, напротив, в них читался гнев и озлобленность, и именно к ребенку. Их навязчивость превратилась в преследование. Приводящее в ужас Алису, испытывающую страх за себя и, в первую очередь, за Вольку.

Жизнь – это семья, дом, быт, но и также необходимость посещения городских инстанций: администрации, магазинов, больниц... А возле их дома на улице все чаще стали появляться пугающие Алису личности. И это не галлюцинации от лекарственных препаратов. Люди из плоти и крови. Чьи взгляды на ребенка наполнены не только ненавистью, но и стремлением отнять жизнь ее сына. Алиса вынуждена была обращаться к матери, живущей при монастыре, чтобы просто по необходимости отлучиться из дома. И это оказалось ошибкой...

В один из своих приездов Галина едва не совершила самый страшный грех. Набожно одержимая, шепчущая молитву или заклинания Гала застыла над ребенком с огромным ножом для разделки мяса. Сына спасла вернувшаяся вовремя Алиса, ударив подручным тяжелым предметом собственную мать.

Понимание едва не случившегося жизненным разочарованием застыло в глазах Воли.

– Почему меня так встречает этот мир, мама? – Тоска в черных с желтым отливом глазах и голосе ребенка были обращены к застывшей над бессознательной Галиной Алисе. – Каждый раз одно и то же... Абсолютно ничего нового.

Вакуум в комнате, вызванный словами сына, и гром за окном заставили дрожать Алису. Она словно застыла на пороге чего-то фатального, однозначно обреченного для всего мира, не только для ее отношений со своей матерью, едва не совершившей ужасный поступок.

– Что... ты... имеешь в виду, сынок?

– Фанатичная приверженка православной веры становится детоубийцей, – Воля сверкнул глазами, выражая словесно далеко не детское убеждение. – И это не в первый раз, она совершила уже этот грех однажды...

– Сынок...

Алису остановил зов матери, раздавшийся со стороны ее неподвижного тела.

– Алиса... – слабый голос Галины был схож со стоном отходящего в мир иной. – Ты... должна убить его, он... не должен жить!

– Мама! – Алиса в подтверждение своих слов встряхнула еще раз своим оружием в руке. – Это мой сын! Я не сделаю подобного никогда...

– Ты помнишь, кто его отец!? – Галина коснулась распятия на своей шее и, шепча молитву, прижала его к губам. – Это...

Гром, снова раздавшийся за окном и молнией осветивший комнату, со стуком распахнутого от ветра окна заглушил слабый голос говорящей.

– Это достойный и смелый человек. – Алиса, с гордостью подняв голову, взглянула на сына, в его благодарностью светящиеся глаза.

От короткого замыкания, вызванного непогодой, замерцали лампы в светильниках, моргал и телевизор сменяющейся картинкой каналов. Серое небо за окном рвали на части светящиеся изломанные линии молний. Порывы ветра качали легкую занавеску окна.

– Да, смелый... Но это зверь, – повторила не услышанное до этого дочерью Гала, обретающая силу, видимо, не без помощи веры. – Или сын зверя. Не человек! Зверь может породить... только зверя. Это очередное пришествие...

– Ты свихнулась на своей вере, мама! – Алиса, отбросив в сторону оружие защиты, обняла Волю обеими руками, прижимая к груди. – Ты уже убила однажды свое дитя. Вспомни, что было после этого! Я не дам убить свое. Уходи!

Гала с трудом поднялась, держа в руке распятие. Она не отрываясь смотрела в глаза внука. Шепот ее молитвы заглушали непогода и бьющая о раму створка окна.

– Дочь, – в слабой надежде начала Гала.

– Уходи, мама! – Алиса прижала к себе еще сильнее дрожащее тело прижавшегося к ней мальчика.

Из Геенны огненной. Из очага пожара, никак не из квартиры Алисы, вышла Гала. Адом дышало уютное гнездо дочери в спину. Гнало вместе с плотно засевшей в Галине верой, ее символами и молитвами. Толкало на улицу. В серость непогоды, бьющей по лицу и телу ливнем. Под испуганные видом Галины взгляды прохожих, пораженных одержимостью женщины, не обращающей внимания на разгул стихии. Мысленно возвращая к воспоминаниям казни.

Казни Зверя. Так же тогда стихийно возмущалась природа-мать. Выли где-то волки, так же, как воеет сейчас машина спасательных служб, несущаяся к очагу очередного несчастья. Гале даже показалось, что она услышала звон колокола старой покосившейся церкви полузаброшенного селения. Услышала крик отца Олега, противящегося беззаконию и убийству...

Конечно, Галина помнила, что произошло после самосуда. После казни над существом, которое они считали злом, пришедшим погубить их мир. Зверь. Тогда он начал с малого – с их семей. Поэтапно, методично, предположительно так же, он должен был подчинить себе

весь мир. Оставляя возле себя только преданных ему рабов, купившихся на его посулы. И продавших ему, Зверю, самих себя, полностью, без остатка, до последней крупички, до самого важного, что есть у человека, – до самой последней части своей тонкой неосязаемой материи, человеческой души.

Нет, никто не поверил тогда, что это было испытание, данное им. Никто не поверил Зверю, что он пришел всего лишь искупить свою вину и доказать, что он тоже заслуживает прощения, как человек, как любое существо, как любая тварь божья, живущая на Земле.

Его забили камнями. Дико, бесчеловечно. Не видя в происходящем иного выхода... Но Зверь, как оказалось, действительно этого и хотел.

Да. Галя вряд ли забудет тернистый путь возвращения домой. Ее после выкидыша ненавистного плода, зачатого в мнимой, навязанной ей Зверем любви, отвезли в больницу. Ее состояние граничило между жизнью и смертью. Возле ее палаты дежурил одержимый отец Олег. Она выкарабкалась, выжила. Что нельзя сказать об остальных участниках самосуда. Они разбежались от места казни в разные стороны. Но, как выяснилось, выжили единицы. Всех преследовала смерть в их побеге. Наказание за деяние? Возможно. Зверь, рождаясь, окунул в хаос смертей целый дом и, умирая, забрал с собой большую часть из своих палачей.

Выжила Галя. Повитуха Анастасия Васильевна, живущая отшельником в своем пропитанном заклинаниями и травами доме. И где-то еще скитался по миру не вполне вменяемый отец Олег.

Разве странным показалось бы проведение параллелей между рождением Зверя в несчастной пятиэтажке и родами Алисы? Роддом огромного комплекса частной клиники, отличающийся от себе подобных медицинских учреждений квалифицированностью врачей и условиями содержания рожениц, во время рождения Вольки превратился в «сгусток технических катаклизмов». Началось всё с обесточивания электрической цепи. Затем отключением аварийной – замыкание в проводке автономных генераторов. Как следствие – отключение жизненно важных для отдельных младенцев и рожениц медицинских аппаратов. Одновременное закрытие всех электронных замков, блокирующих медперсонал и рожениц с детьми в здании. Пожар, вызванный все тем же электрическим замыканием. Отказ электроники, отвечающей за автоматическое тушение. Прорыв водопроводных труб в уже полностью охваченном пожаром роддоме. Выжили единицы. Среди них Алиса с маленьким сыном на руках.

Памятником безжизненности, скорби и наглядным примером неготовности спасательных служб выделялся пустой, с обгоревшим зданием в центре, комплекс клиники в районе новостроек, еще недавно светящийся стеклом и металлом, а главное – жизнерадостностью ее пациентов и их счастливых посетителей.

Об идентичности по своему трагизму родов, разделенных между собой пятнадцатью годами, не знала молящаяся в момент родов дочери Галя. Она помнила, кто был отцом ребенка Алисы. Ее отношение к нему. И понимала, что невозможно донести до разума дочери свое понимание происходящего и привить веру, способную помочь. Галя вряд ли забудет, как сама потеряла голову от любви к существу, разрушившему их семью. Поэтому днем и ночью молилась за дочь, и... ждала проявления жизненной активности Зверя и, разумеется, ждала подходящего случая искоренить зло в «зародыше». Помешала дочь, для которой попытка убийства ее сына ее же собственной матерью стала последней каплей терпения...

Алиса побежала. Без оглядки, как беженцы от войны, от смертей и горя и всего связанного с нею, бросив все нажитое, едва увидев лица и глаза таких же бегущих. Единственное, что отличало Алису от беженцев войны, – она бежала с источником всех будущих бед, крепко его обнимая, храня и любя, как это делает любая любящая мать. Так, наверное, еще не доросшую до общепринятого понятия старухи с косой, бережно оберегала саму смерть ее мать, возможно, белокурую и вполне симпатичную девчонку, не осознавая, что та скоро вырастет,

быстро состарится и будет приходить в пугающем мрачном обличии по человеческие души. Возможно, сравнение не вполне уместно, но аналогия проглядывается.

Алиса бежала. Бежала без оглядки. Без оглядки на то, что творилось за ее спиной. . .

Выйдя из такси в незнакомом для нее городе, на незнакомой улице, с абсолютно незнакомыми людьми, Алиса даже не обратила внимания на звуки аварии за ее спиной. Там в ДТП погиб везший их таксист. Перед этим сошел с рельсов поезд, набирающий скорость, отходя со станции, на перроне которой осталась Алиса с ребенком. А до этого автобус, везший ее до вокзала в их родном городе. . . И, кажется, еще дом, в котором она жила раньше. . .

Алиса сняла квартиру и даже не узнала о том, что вышедший из нее хозяин был банально убит ножом за углом дома ночными грабителями.

Складывалось впечатление, что само зло, убегая вместе с Алисой, демонстрировало свою безнаказанность, оставляя хаос за своей спиной.

*

Люди, творящие зло в разных его степенях и проявлениях, однозначно получают его обратно, в равноценных долях деля его на сегменты между собой и близкими родственниками. Факт? Неоспоримый? Для кого-то да. Для кого-то обычный бред, вознесенный отдельными личностями в превосходную степень собственной абсолютной веры. Можно полемизировать на тему материализации мыслей и, как продолжение, – материализации той же веры во что-либо.

Полемизировал на подобные темы или верил в «систему бумеранга» Евгений, понять сложно. Но он был очень удивлен кардинальному изменению жизни одного из своих знакомых. Чью подноготную он знал лучше, чем тот сам. Как бы это странно ни звучало.

Андрей. Не апостол, конечно, – скорее антипод. Он загибался физически и финансово, удивляя совместимостью болезней в своем организме медиков, а непоколебимой наглостью – своих бесчисленных кредиторов. Так, наверное, умирают акулы-убийцы, пораженные болезнями или ядовитыми отходами, сброшенными в глубины морей не менее чудовищными убийцами – людьми. Таким его помнил еще при последней встрече Евгений. Без горькой усмешки и не взглянешь. . .

Ранее ушли из жизни близкие родственники Андрея, кто был гораздо моложе его и намного безгрешнее.

Необъяснимая противоестественная трансформация возмутила Евгения – не осталось следа от болезненного вида, нервного тремора головы и глазного тика Андрея, наоборот, напротив Евгения стоял жизнерадостный, полный сил, целеустремленный и уверенный в себе, немолодой, но явно помолодевший человек.

– Где огрызок от того молодильного яблока, что ты съел, Андрей? – Евгений не смог скрыть своих чувств, впереди которых в желтой майке лидера бежало само удивление. – И если он уже не съедобен, то я вращу хотя бы его семена. А если и их нет, то я бездомной собакой потрусь на том месте, где оно сгнило, шкурой моего естественного старения!

– Зависть, Евгений, не самое лучшее чувство, а в очень многих кругах и вполне обоснованно считается и пороком. . . – Андрей, сверкнул голливудской улыбкой, взяв под руку свою спутницу – милую, красивую и всем проспектом демонстративно желаемую. – Настасья, у нас столик у окна на мое имя, я буду через минуту.

Удивление Евгения резким рывком отстало от лидирующего теперь уже желания, которым с ним неохотно поделился проспект. Теперь сменившийся лидер чувств Евгения, преодолевая препятствия, открывал услужливо перед Настасьей дверь в ресторан, помогал снять с хрупких плеч легкое пальто и джентльменом отодвигал стул возле белоснежного, идеально сервированного стола.

Андрей с пониманием закрыл глаза на такую извращенную навязчивость. Евгений только в зале ресторана понял, что он не слуга этой красивой и восхищающей теперь уже и посетителей заведения пары.

– Мы, Евгений, хотели побыть вдвоем сегодня. – Андрей многозначительно взглянул на Настасью как на отражение всех своих жизненных симпатий. – Но если тебе не будет с нами скучно...

– Нет, – слишком быстро отреагировал Евгений. – Не будет...

Мило краснела от комплиментов Настасья. Мило улыбалась. Мило опускала глаза, смеясь. Мило влюбляла в себя. Мило... мило.

Евгений понимал Андрея во всем этом милом и, пряча в себе тревожащие его своим рождением чувства, тоже мило смотрел на отражение Настасьи в коньячном бокале – так подглядывают из-за камышей за девушкой, купающейся голышом: вроде, неприлично, но ах как хочется-то, сука!!!

– Так что же у тебя нового, Евгений? – Отправляя камышовое неприличие компаньона вместе с официантом за холодными закусками, Андрей взглянул открыто на собеседника.

– У меня? – Евгений едва поймал оторванный конец ситуационной нити, казалось, уже прошлогоднего разговора (ведь столько поменялась за четверть часа: Настасья, мило... мило и снова Настасья). – Да абсолютно ничего, все застопорилось: бизнес, жизнь, личная жизнь... – Евгений едва сдерживал себя, чтобы снова не вернуться в запретные камыши, он спасительно концентрировал взгляд на Андрее, на его свежести, модности, актуальности реанимированной респектабельности. – Зато у тебя все новое или «фейслифтингово»-обновленное. Я снова задаю тот же вопрос: как ты возродился, перевоплотился из...? – Он даже не стал описывать, то не вписывающееся в обыденную жизнь существо, каким он видел Андрея в последний раз, боясь незастольными эпитетами напугать Настасью, и, вспомнив о ней, он все-таки взглянул на нее и словно понял: – Или это заслуга Настасьи? Тогда это очевидно...

– Она тут ни при чем! – февральской стужей остудил его Андрей, заставляя краснеть свою спутницу, и далеко не от мороза. – Хотя любовь тоже сильная штука, но есть другие силы, которые поднимают и с колен, и даже павшего на самое дно...

– Что или кто они? Деньги, врачи, евреи? Или все это вместе? Скажи наконец! – это слишком громко раздалось в заключительных нотах и голосе затихающего романтического вокала.

Экспрессивность Евгения привлекла внимание посетителей ресторана, увидевших в нем расиста, мизантропа и просто пьяного скандалиста. Но он был трезв, а если пьян, то только от внезапно возникших чувств к Настасье. Вырезвелем в совокупности с похмельем и неминуемой головной болью стал Андрей, демонстрирующий свою «обновленную» внешность вернувшегося к жизни «нарцисса».

– Все очень просто, – Андрей поднял бокал с вином, – и до рутинности банально: помощь людям меняет сначала тебя изнутри, а затем всё и вся вокруг тебя.

– Ну да... – После многозначительной паузы Евгений с унылостью трехдневного дождя взглянул на Настасью – актрису, уставшую от чрезмерного внимания публики. – Это же все так легко объясняет! То есть, Андрей, мои вклады в сиротские дома, детские клиники и благотворительные организации ничего не стоят? Я устал, и устал от помощи людям, гораздо больше, чем когда-то от страха и пролитой крови... – Евгений, попав под осуждение соседних столиков, слегка понизил голос, – чего в моей жизни было немало. И ты это знаешь... Черная неблагодарность в глазах тех, кому я помогаю, их посредников и представителей, я вижу в их червивых взглядах понимание моего бесполезного отмывания от той... тогдашней пролитой крови... и всего, с нею связанного.

Евгений выбился из сил, словно обогнал на несколько кругов группу лидеров из своих же собственных чувств, застыв перед финишной чертой. За столом затихли возмущением – почему же он не рвет ленту, что отделяет его от мирового рекорда в дисциплине стайера.

– Выпей, Евгений! – блеснув пониманием в глазах, Андрей налил ему сто «горькой». – Отчаяние знакомо не только нам с тобой. У всех оно разнится и делится на классы и подвиды. –

Он мягко сжал руку Настасьиной актрисы, сама Настасья, пожав плечами, указала на не совсем удачно начатый вечер и ветер в камышах одновременно. – Кто-то борется в отчаянии за жизнь свою или чужую, а кто-то, в отчаянии от непонимания, как жизнь свою прожить в остатке, ее бесцельно прожигает...

– Да, расхождение налицо. – Евгений с пониманием смотрел на собеседника. – Но...

Звонок вибрацией отвлек Андрея. Он извинился, поднимаясь. Ушел. За столом неловкое молчанье. Ненужный звон посуды. Минор ансамбля помогает публике ценить вкус ресторанных блюд.

– Простите, Евгений... – Настасья заинтересовалась – «кто смотрит за ней из тростника?», не забыв при этом прикрыть наготу своего тела или своего же любопытства, – вы знали Андрея раньше? Каким он был, мне интересно?

Евгений выпил и налил себе еще. Взглянул на юную певичку, тестирующую на сцене микрофон.

– Какой? – Он посмотрел в Настасью, ища, кого в ней больше теперь – актрисы или купальщицы? Явных преимуществ ни у той, ни у другой. – Представьте: жесткий, волевой и беспринципный, плюющий на весь свод законов и каких-то правил. Был современен в романтике тюремной и популярен в тогдашней беллетристике. Затем, как обычно, и всегда – звезда на собственном закате... – Евгений удивился контральто, остановившему всеобщий манерный прием пищи, и, выпив снова водки стопку, поискал подходящую обертку для Андрея. – Так вот... Подобный бренд... как на модных джинсах, что уже утратил популярность. В таких затертых уже не выйдешь в люди, так, может, постричь газон и только. Я понимаю: мода циклична и возвращается, меняются лишь детали... Но подобный ренессанс, простите...

– Интересно... – Настасья загородила собой плаксивость и образ певички, приоткрывая часть наготы ныряльщицы желанной. – И что же он?...

– Настасья! – прервал вопрос Андрей, врываясь в диалог и обрывая неуместность потенциальных откровений. – Тебя отвезет водитель. Прости, внезапные дела...

– Но, может, всё же я?... – Настасья с актрисой в амплуа в растерянности поднялась.

– Невозможно. До завтра, дорогая. – Андрей неумолим, и, не скрывая презрения, садится за стол, звеня графином с водкой.

– Что с тобой? – Евгений взглядом провожает скрывшуюся наготу в тростнике портала ресторана.

– С тобою что, скажи!? – Он водкой утоляет жажду недовольства. – Ты с ней едва знаком и так непропорционально откровенен. Не узнаю тебя!

Снова водка. Одновременно, залпом – так, наверно, когда-то стреляли на дуэлях, отбросив в сторону регламент и предрассудки. Еще по залпу. Секундантом официант принес новые «заряды» на подносе. Снова залпы. Гнев и где-то сатисфакция на лицах «дуэлянтов».

– Она хороша, – полупьяно резюмировал Евгений.

– Водка или нудящая... романтикой певица? – Андрей жевал неподдающуюся плоть кальмара из салата.

– Твоя Настасья. – Голый образ купальщицы с актрисой в паре перед Евгения глазами кружил среди танцующих влюбленных в ресторане.

Он, стряхнув навязчивость галлюцинации, налил еще по водке.

– Это да. – Андрей уже «стрелял», не целясь и не морщась. – Но ты здесь не за этим. Ты не скрываешь интерес в том, как я смог реанимировать себя?

– Да! Как ты воскрес?

Евгений прервал громким вопросом обнимания в танце, певица сорвалась в голосе внезапно на верхней ноте. Взгляды осуждения. Андрей извиняется за друга. Все толерантно понимают его.

– Давай обсудим завтра, не сегодня...

– А что сегодня? – В вопросе обращение к макрокосмосу, к неземной материи, к пространству черных дыр и их смысловой основе.

– Сегодня... – Андрей задумался, взглянув на скуку в глазах девиц, сидящих за столом напротив. – Напьемся вдрызг! Чтобы не помнить ничего и, главное, сути твоего вопроса...

– Мне нравится, – воспрял Евгений духом. – Официант!

Нет ничего на свете прекраснее, чем пьянка двух давно не видевших друг друга товарищей, подруг, знакомых или близких только по параллели класса или курса. Что уж говорить о сослуживцах в армии или соседях по фронтовому штурму высоты. Теснее близких и родных становятся они, ожившие и пережившие снова жизнь в коротких памятных отрезках. В тех долях времени, что длиннее самой жизни. Но только здесь и сейчас, и больше никогда. В полном беспределе чувств... Ведь завтра снова всё и вся съест рутина, быт, снабдив в дорогу жизни продолженья похмельем и воспоминанием неприемлемых поступков из кошмарного вчера.

До чего ж, бл...дь, хорошо-то! Да пофиг, что будет завтра! Живем сейчас, однажды, никто ж с подобным не поспорит...

Евгений оторвался непривычно от подушки. Непривычность в теле, в декорированном под спальню лорда помещении и в светлом времени суток за чужим окном. Да и не подушка вовсе – нагое женское раздолье оттенка кофе с молоком, обтянутое шелком подарочной материи.

– Где я!? – подумал Евгений или произнес.

Аналогично удивилась женская часть постели, не сказав, а простонав. Синхронно сбили сухость ртов из полупустых бокалов. Потом друг друга оглядели. С головы до ног. Неузнаваемость. Полуудовлетворенность переоценкой взглядов прерывает выстрел снаружи. Затем еще один и два подряд.

Шелк тела и белья стал ближе, но не возбуждает.

– Где мы? – страх синхронно опять же в обоих говорит.

Беда сближает, как магнит. Дверь апартаментов открывается, в дверях Андрей – полуодет, в руках ружье, две девицы по бокам, почти раздеты. Или просто не до конца одеты. Никто из них не знает, что из себя похмелье представляет, понятно визуально: они боролись с ним методично, алкоголем изводя.

– Евгений! – с заявкой на тираду Андрей прижал к виску холодный ствол ружья, тем самым непроизвольно целясь в потолок. – У нас с женской половиной нашего веселья возник вопрос...

– Я весь во внимании.

Вниманием прижалась и ночная незнакомка, влажного рта зевок прикрывая Евгения плечом.

– Жизнь бьет ключом... – явно Андрей похоронил актерские задатки, ступив на кривизну жизненного пути.

Зрители, хоть и полуголые, но прониклись представлением – не только же из-за богатого буфетного ассортимента ходить в Большой театр.

– Так-так... – Евгений решил обмануть похмелье предстоящей постановкой, да и шелк белья и кожи ночной сожительницы, обоюдно глушили трением его синдром похмельный в зародыше.

– Но выстрел, – Андрей глотнул из фляги охотника, поданной стоящей рядом девушкой, – что жизнь внезапно обрывает, – для небутафорского эффекта он выстрелил, вызывая правдоподобный крик и визг, – что делает с источником он?

– Фигурально? Осушает?... – несмело просуфлировал Евгений, к источнику за шелком прижимаясь. – Но ведь так бывает...

– Мне не понять. – Андрей сел на диван, не доверяя окружению. – Жизнь источника и источник жизни. Выстрел один, не дуплет! Что-то же должно остаться жить!?

Похмелье вернулось усиленной мигренью. Не смотря на шелка и кожи тренья. И даже влажные уже...

– Философия такого рода, Андрей, порой абстрактна и сложна, – он взглянул на отчаявшегося «актера» напротив на диване, укрытого с двух сторон полуголым нетрезвым «материалом», – ведь не понять ее нам без водки и вина...

– Не поня-я-ть... – Андрей взревел раненым зверем, пугая зрителей и остальных участников сцены. – Пойдемте пить. Тогда пойдем, что лучше – жить или... быть, а может просто бить... ключом воды... простой, не техногенной.

Каруселью, лопастями винта мотора самолета, раскрученными разноцветным открытым зонтом, закружилось веселье. Смешался шелк телесный с шелками нижнего белья и простыней. Бил источником коньяк, стремлением потоков рек со всех сторон света втекали вина разноцветно и разносортно в океан абсента, что омывал приливом белый песчаный, нет... скорее, порошковый райский пляж. На коем угасал костер травы пахучей... Сменялись кухни в представлении: Италия и Венгрия, перчила острою Азия. Музыка живая – от симфоний и до цыган с попсней и рэпом в промежутках. Как ночь сменялась днем, так же блуд сменялся беспробудным пьянством. Мелькали звезды в черном небе первым снегом в момент головокружения на балконе не от любви и счастья, а до тошноты от алкоголя и умопомрачительного бл...дства.

Андрей молчал. Евгений ждал.

– Я расскажу вам всё, – сказал Андрей однажды на террасе, когда луна уже двоилась. – Но к такому надо быть готовым... внутренне и внешне.

– Но я готов, – икнул Евгений некрасиво.

– Не думаю... – Андрей поднял бокал тостом к звездам или к богу. – Готовым надо быть не только всё понять и пережить, но даже мне, чтобы просто рассказать...

– Тогда когда же? Я не могу... – Евгений отчаянье проявил во всех возможных и даже превосходных степенях. – Я не способен так больше пить...

– Пейте! Поверьте, вам много придется пережить. – Андрей взглянул на небо, затем на дно бокала. – Много запомнить, а еще большее забыть...

Луна, стесняясь Содомы и Гоморры в их минимальном проявлении, большей своей частью ушла за тучи, оттуда подглядывая за спеющим яблоком запрета, выделяющимся червоточинами в ее блеклом теле. И тучи закрыли звезды, как родительской рукой – глаза толпы детей от вида непотребных их вниманию сцен.

*

Относительно спокойная и размеренная жизнь Алисы устраивала ее. Она почти забыла о гонениях, об убийственно настроенной и одержимой матери. Алиса тихо жила с сыном в небольшом городке, привыкая к вполне мирному образу жизни. Была довольна даже не совсем легкой работой продавщицы в магазине. На ее возраст и отсутствие опыта закрыл глаза директор. Считать Алиса умела – ее математические способности плотно переплетались с музыкальными и изучением иностранных языков, а ее коммуникабельность притягивала основную массу клиентов. Грамотный совет в выборе товара и реклама его качеств расширили ее персональную клиентскую базу. Люди приходили в ее смену не только за покупками, но и за общением с милой рыжеволосой продавщицей.

Волька, без сомнения, был самостоятельным. Визуально уже школьник начальных классов, интеллектуально конкурирующий со студентами университетов, а где-то даже с их преподавателями, на самом деле являлся двух с лишним годовалым ребенком.

Внешнее изменение Вольки было очень кстати – его вряд ли узнают люди, пытающиеся его найти. Волька рос и развивался противоестественно быстро, становясь «взрослым» и силь-

ным, вырастая из маленького волчонка в молодого самостоятельного волка... В зверя. Сила ощущалась во всех его движениях, словах, взглядах, хищно и умело скрытых, при необходимости, за естественном человеческого существа.

Единственное, что пугало Алису, – то, что вероятностью их с сыном обнаружения, может стать она сама. Ее развитие и рост оставались вполне естественными, человеческими. Поэтому ей необходимо было изменить с себя. Как? Просто – черная краска для волос, стриженных короче, и в толстой оправе очки, делающие девочку взрослее и даже привлекательнее.

На работе ее внешний вид был принят «на ура», дома – с пониманием. Загар, минимальный макияж и смена стиля одежды доделали свое дело. Это уже не Алиса, а незнакомая Аля (как было и написано на ее рабочем бейджике). Сама мать, Галина, скорее всего, прошла бы мимо этого ближайшего по крови идеала перевоплощения.

– Привет, Аленька! – стриженный под полубокс восьмидесятых прошлого столетия, спортивного вида дядька в костюме с логотипом СССР, тоже из восьмидесятых, открыто заигрывал с Алисой, что даже как-то положительно влияло на его внешний вид, молодило что ли. – День-то какой!

– Да, красиво сегодня, – поверх очков Алиса взглянула на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь гущу каштанов, растущих возле входа в огромную продуктовую стекляшку. – Не день, а загляденье... Сигареты берете, Виктор Палыч?

– Бросил я! Красивая... – Виктор Палыч паковал продукты в спортивную сумку с логотипом уже несуществующей социалистической республики.

– А чего это вдруг? Здоровье?

– Да не, я же как бык! – Пожилой мужчина с худым телосложением попытался изобразить быка, вышло непохоже. – Дети не позволяют.

– Молодцы. Взрослые уже?

– Да не, не эти – потенциальные...

– Ого! – Алиса впервые за время диалога обратила внимание на изменившегося со дня их первого знакомства Виктора Палыча. – Да вы еще о-го-го!?

– Аленька, – слегка покраснел Виктор Палыч, понижая голос, – я о чем и говорю: день хороший, вечер будет еще лучше, я о-го-го, вы...

– Да гони ты его, Алька! – Вторая продавщица Катерина, грузная и боевая во всех отношениях женщина, заставила вздрогнуть очередь к ее кассе. – Он тут уже со своим «о-го-го» всех напугал, а как дела коснется, так там «о-о-о»...

Алиса, до конца не понимая смысла разговора, переводила взгляд с одного участника их диалога на другого.

– Вас, Катерина, и трактор бы не удовлетворил. – Виктор Палыч повесил сумку с продуктами на плечо. – Даже такой огромный, что вчера на районе загорелся...

Очереди в обоих потоках загалдели упомянутым чрезвычайным происшествием. Забыв о продуктах, покупках и вообще о самом магазине.

– Кошмар!

– Ужа-ас...

– Куда катится мир!?

– А что произошло-то? – Алиса смотрела на внезапный несанкционированный митинг с непониманием происходящего, как путешественник во времени, попавший в новый мир.

– Да вы что, Аля!? – Интеллигентный мужчина в очках времен застоя и с учительским портфелем из крокодильей кожи неизвестно каких времен округлил глаза откровением обманутого мужа, обнаружившего следы измены. – Весь город уже три месяца методично поддается... каким-то нападкам рока судьбы, трагическим случайностям. Улицы, – он поднял испачканный чернилами палец кверху, – пропахли фатализмом. Такой плотности людских смертей не было здесь уже три четверти века, со времен войны...

Алиса, задумываясь в тревожной атмосфере возмущения, пожала плечами – она о большей части произошедших в городе несчастий и не слышала. Работа – дом – Волька. Волька – работа – дом. Циклически. А что и слышала, так сравнить-то ей не с чем. Она как раз живет здесь три месяца. И происходящее за это время вокруг неё – вполне нормальная, социально оправданная человеческая норма.

– И что теперь? – Алиса нервно закрыла кассу.

– Теперь всем страшно. У каждого семья и дом.

Услышав это, оба потока прекратили дискуссию. Замолчали. К покупкам обратились. Ведь у каждого семья и дом, там что угодно может произойти.

Алиса вспомнила про Вольку. Он же там один. Самостоятельно обучаем. Прилежен. Но один...

– Нефертити...

– Что? – Алиса смотрела в глаза слегка озабоченного с виду молодого человека, теребящего резинку пояса своей короткой куртки.

– С египетского – «красивая пришла». Я тебя так буду звать. Аля тебе не подходит. Мне пачку сигарет с ментолом.

– Катерина, – сиреной завывала Алиса, ощущая материнским чутьем, что в эту минуту она просто необходима Вольке, – прикрой меня!

Она даже не дослушала ответ. Каштаны. Тополиный пух, забивающий нос и глаза. Такси. Подъезд. Квартира. Пустота. Пустота в квартире и в голове. Звон колокола в сердце и его же боль. Сердца.

– Воля-я-я-я! – прокричала она, опускаясь на лак паркета. – Воля, – прошептала она, стирая слезы с мгновенно намокших глаз. – Волька... – Ее хрип затихал в хлопках оконной рамы, вызванных сквозняком.

Ее материнское сердце чувствовало неладное. Болело. Рвалось ненавистным куском бумаги – извещением о неоплаченном долге, запиской любимого о расставании, телеграммой родственников о трагедии...

И все же она слышала призыв в этих порывах сквозняка к действию. Она побежала на улицу. Побежала не куда глаза глядят, как принято в подобных случаях, а целенаправленно – куда повело ее все то же материнское сердце. В ушах бил набатом колокол, дублируя каждый удар этого сердца.

Оно не обмануло ее. Она увидела столпотворение людей, объединенных несчастьем, произошедшим на проспекте. Горел театр, огнем объятый. Сирены выли. Работали пожарные. Все в черном дыме. Выносили тела полуживые. Носилки. Бригады врачей работают на месте, другие на машинах с сиреной уезжают. Возвращаются и снова уезжают. Круговорот. Вокруг несчастье. Людская боль.

Среди всего этого горящего, дымящего, воющего воплями, сиренами и командами хаоса периферийным зрением Алиса обнаружила островок спокойствия. На скамейке. Среди разросшихся кустов сирени. Ребенок. Подросток.

– Волька! – Алиса, ахнув, закрыла рот ладонью. – Сынок...

В ответ блеснуло желтым отраженьем. Стекло или взгляд сына, но Алисе не до этого, она бежит, спотыкаясь, к нему, родному, падает, встает и снова бежит.

– Родной мой, Волька... – Мать целует сына, разглядывает, целует снова, плача. – Живой! Напугал меня...

– Ну что ты, мама, – он шепчет в ухо, тембром голоса своего отца напоминая, – я уже большой...

Алисы сердце холодеет от воспоминаний. Она слегка дрожит. Разглядывает сына и видит копию того, любимого, и саму причину их короткой страсти. Причину появления Вольки.

Беда людская, врываясь, разрушает теплоту их встречи. Все те же крики. Боль. Команды и сирены.

– Ты как здесь?

– Я гулял, – губы Вольки слегка растянуты в улыбке, – увидел это и остался посмотреть.

– Пойдем, сынок, – Алиса за руку его взяла. – Беда людская – это горе, а не кино или театр...

– Как посмотреть!

Сила в Волиной руке, останавливающая порыв Алисы, пугает меньше, чем его слова.

– Ты что, сынок, о чем ты? – Она холодеет, глядя в его черные глаза. – Там страдают люди и даже умирают!

– Горит театр, мама... – Воля легко спрыгивает со скамейки и идет с ней бок о бок. – Я об этом всего лишь.

Алиса вздохнула облегченно и сына повела в сторону от горевшего театра. По аллее, мимо скамеек и кустов пахучих, удаляясь от шума погашения очага пожара и несчастья. Но спокойствие было недолгим.

– А для меня пожар – театр! – Волька сжал ее руку сильно, доставляя боль.

– Что!?

– Они глумились там, – он, остановившись, смотрел в глаза ее, пугая, – на сцене. И зрители смеялись над тем, над чем смеяться совсем нельзя. Актеры высмеивали то, чего совсем не понимают...

Алиса сжалась в комок, мурашки поползли по коже, холодя.

– Сын. Я тебя не понимаю сейчас. – Она со страхом держала все еще руку в его руке. – Но театр – это лишь игра, всего лишь представление. И то, что происходит там, не настоящее, актеры в жизни такие, как мы с тобой, а на сцене всего лишь их работа...

– Тем более. – Воля все же отпустил руку матери, почувствовавшей облегчение и запах какого-то растения рядом. – Чтобы играть кого-то или что-то, надо до конца понять смысл или прожить той сюжетной жизнью как минимум.

– Ты меня окончательно запутал. – Она увидела мгновенный желтый блеск в глазах ребенка, на вид подростка, и, может, по манерам даже состоявшегося мужчины. – Не понимаю...

– Мама! – Волька снова сверкнул глазами. – Ты была ребенком и знаешь, чего дети хотят в тот или иной момент.

– Каприз, сынок?

– Неудачный пример. – Воля отвернулся, стиснув зубы, – мальчик, по-взрослому подавляющий борющиеся в нем эмоции. Он снова взял Алису за руку. – Пойдем домой, мама.

Прохожие, спешащие к месту трагических событий, озабоченные очередной бедой их городка, вряд ли могли адекватно оценить разницу в возрасте идущей им навстречу пары, – брат и сестра. Никак не мать и сын.

– ...А ты знаешь, там раньше был храм небесный, – продолжил сын, успокоительно глядя пальцами сжатую руку матери, – туда приходили со своим наболевшим, к причастию, за отпущением... Во что превратили это место? Может, это и есть причина, а, мама?

*

Ненастный вечер. Балкон. Евгений помят, полуодет. Андрей, напротив, что странно, нейтрален, но свеж лицом. В доме полыхают свечи. Гроза бушевала целый день. Теперь затишье – порывы ветра сменяются легким теплым дождем.

Как принято, воспоминания о прошедшей пьянке сопровождаются смехом до слез, улыбкой горькой, где-то «ахом», ну и, конечно, отборным, сука(!) русским матом...

– Ну что, конец гулянке? – Евгений цедит из бутылки влагу минеральных вод.

– Пожалуй, хватит. – Андрей прислушивается, как гости в доме, званые и нет, дезориентированно в дорогу друг друга собирают.

– А я уже забыл, что вот так бывает... – Евгений, за неимением расчески, пальцами рук влажные волосы откидывает назад.

– Согласен. И я, если честно, концовке балагана рад.

– Продолжим недавний разговор?

– Да. Я как раз опустошен и не способен на эмоций шквал. – Андрей взял в руки и повертел перед лицом бокал так, словно то был древний артефакт. – Поэтому все расскажу тебе, как всё было, в меланхолично протянутом миноре.

Он все-таки налил шампанского, глядя на пузырьки игристого, «ползущие» со дна бокала вверх.

– Был поворот в моей судьбе, уже не первый и даже не второй... – Андрей в верблюжий плед закутался, кидая такой же на колени Евгению, понять давая, что рассказ не будет кратким. – Но то, что было раньше, кажется детской игрой. Не помню, когда мы виделись в последний раз, но из брошенных при этой встрече фраз я сделал вывод, что тогда я был плох собой. И даже больше скажу тебе – я был ужасен! От меня шарахались бомжи, собаки, что говорить о плебеях и мажорной знати. Мой вид для всех был попросту отвратен. Впрочем прелюдии унылы и не объемны до нужной степени. – Андрей усмехнулся горько и сделал вина мизерный глоток. – Тогда меня уже неделю не пускали в ночлежки для убогих и больных. Полиции экипажи с отвращением не принимали меня одни, от других я убежал. Так я жил, прозябал, существовал... Хотя, скорее, медленно и некрасиво умирал...

Евгений ютился под пледом, рассказ внимая, поглядывал на тучи, ветром разрываемые и, слегка дрожа, горячее вино подливал в свой бокал.

– ...Однажды в парке я человека повстречал. – Андрей, усмехнувшись горько, погрузился весь в воспоминания, словно позабыв о присутствии еще кого-либо. Лицо его мифически светилось в слабом свете. – Странно, знаешь, когда все от тебя бегут, как от чумы, появляется вдруг кто-то, кто смотрит без жалости и отвращения, не с пустотой во взгляде – скорей, с определенным смыслом. То для тебя он кажется не таким как все, другим. Разговор с тобой заводит. Не зная имени, но зная досконально все твое нутро. Мне показалось: вот оно пришло – за мной, на покой, на вечный. Но нет, этот человек... Хотя он вряд ли человек – подобие? Нет, очень сложно характеризовать... – Глоток вина делает рассказчик, глядя вдаль, словно там тот, о ком он повествует. – Он нечто между кем-то и ничем. Прости, Евгений, я понимаю, что звучит абсурдно, но ты сам поймешь в дальнейшем... Так вот, он просто у меня спросил: «Зачем бежишь ты от людей и от всей материи земной?». Ты знаешь, я даже нашел силы посмеяться в тот момент (хотя сам смех уже не помнил как таковой). «И я от них, и они от меня, смотри сам на меня – какой же я?» Он сверкнул глазами, мне показалось – не людскими. Затихли в парке из города доносящиеся шумы и шелест кустов и лиственных деревьев. Было очень тихо. «Нет. Ты бежишь давно, еще из детства. От родительской заботы, любви подруги, что по соседству, от плюсов на олимпиадах, от рекордов в спорте... Ты бежал всегда. Затем бежал от страхов во времена кровавых войн, укрываясь в делах кровавых же. От них бежал, прячась в меценатстве, соря деньгами, что бизнес приносил. Бежал всегда, бежал от всех. Чего ж ты ожидал? Вот результат...» Это породило во мне гнев. То, что он знал о делах моих, да еще и обо всех. Обо всем. Он и это быстро прочитал и так сказал: «Даже сейчас ты бежишь от правды, сказанною мной, в объятья гнева погружаясь. Остановись на время, отдышись!» – Андрей сверкнул глазами, в них, отражая вздохнувшую луну в почти прозрачном небе. – Я не сказал тебе, какой он, извини. Красивый по-мужски, крепкий, я бы сказал – стальной, если бы так можно было. Но в туманном полумраке, в едва прошедшем лунном свете сквозь листву он показался... зверем(!), существом, хоть и в облики человека... Так вот, о чем я?

– Да все о нем, – поежился под шерстью пледа от холода Евгений и от представлений. – По мне так скорей бы о себе, о перевоплощении...

– Так вот, – оторвав от собеседника свой взгляд и смочив горло, Андрей продолжил: – Я, вняв ему, глубоко и медленно дышал, потом вопрос задал: «И что мне делать в случае таком?» «С учетом того, как долго ты бежишь, сейчас ты ни мертв ни жив, болен телом и душой, казалось бы, пора уж на покой... Но даже смерть тебя принять не хочет, чего уж там об остальных, что за ее спиной». Представь, Евгений, какой в меня его слова вселили ужас! Дрожа, я повторил вопрос: «Так что мне делать в случае таком?». Он сверкнул глазами снова, прислушавшись к отголоскам доносящегося рева, звериного или, может, человека полуживого. Вдохнул устало и запросто сказал: «Раз ни одна инстанция не подтолкнула тебя к смерти или смерть к тебе, значит, ты еще нужен, зачем-то на земле. И нужно что-то сделать значимое, чтобы одну из сторон принять... Не перебивай! Твоими альтруизмом с благотворительностью их не пронять. Бескорыстие свое не смог ты доказать, а этим... ухудшил только дело. Поэтому им, – он поднял указательный палец руки вверх, а большой оттопырил, указывая вниз, – нужно что-то реально показать!» – Рассказчик посмотрел Евгению в глаза – в них тяжесть всего людского бытия. – Наверно, ты знаком с отчаянием, Евгений...

– Ну, да, – поежился закутанный в плед тот, представляя, что в жизни собеседнику досталось. – Встречались с ним не раз.

– Значит, понимаешь степень моего. – Андрей глотнул вина, как будто лавы отпил горячей, и снова взгляд направил в пустоту. – В представлениях своих умножь на сто, а может и..., впрочем, сейчас не обо мне. Я, уронив слезу, сказал, что на все готов. Он сказал, что другого от меня не ждал. И протянул мне руку. Представь, свою красивую, с идеальными ногтями и красивыми перстнями руку. На тот момент, Евгений, я тактильно не ощущал никого, наверно, года два, исключу удары таких же, как и я, бомжей и пинки тех, кто на уровень повыше, про остальных молчу. Я взял ее. Такая же, как у мамы. Мягкая и теплая. И как отца – мужская, с мощной силой. Пойдем, я расскажу все по дороге...

Рассказ прервали девушки из клининга, застывшие в дверях балкона, Андрей сказал им, где деньги и чтоб взяли двойную сумму за быструю работу. Те, довольные, шумя телегами, ушли. Завелся и уехал за кустами их автобус в поздний вечер.

– ...Так, рука об руку, мы шли сквозь парк, – Андрей продолжил свой рассказ в лунном свете, эффектно выделяясь своим молодым лицом, – к клубу ночному. С толпой у входа, басами и дресс-кодом... Понятно, что несовместимость свою с местом я в рывке руки показал. Он ее крепко сжал. «Ты со мной», – сказал. Не поверишь: не мыт, полгода не брит, не стрижен еще дольше, одежда – обноски, помоями пропахли, лоскуты буквально. Толпа расступилась, парни на входе тоже, мы внутри. Там все как обычно. Полуголые тела, напыщенность и выставления напоказ всего себя... Коктейли, музыки стена, у меня – проступившая и с трудом проглоченная слюна. Мой спутник, оттолкнув какую-то пьянь, мне тихо и в тот же момент заглушая все, сказал: «Побудь здесь час-другой, привыкни снова к людям, осмотрись, пройдишь по залам, все поймешь, когда к другим сам перейдешь...» Ко мне подошла девица с едва прикрытым телом и, погладив по груди шелковой(!) уже моей рубашки, попросила угостить и время с нею провести. Я оглянулся – спутника нет и в помине, рука моя пуста. Но на ней еще виден фигурный оттиск от кольца. Его кольца. Мои же пальцы тоже в украшениях золотых. Девица, сделав комплимент мне о неплохом одеколоне, повела к стойке бара в VIP зоне...

– Вот это оборот... – Евгений сразу же подумал: «Красиво врет!»

– Тебя понять несложно, – Андрей продолжил осторожно, – но что было дальше, даже для несусветной лжи слишком, чтобы быть неправдой. Такого общества, закусок и алкоголя я уже не помнил, поэтому, сам понимаешь, – он взглянул на бокал и, пригубив слегка вина, как будто что-то вспомнил, – не знал ни в чем я меры. После консумации – приват, там стриптиз

и выход обратно в танцевальный зал... – Андрей сглотнул слюну, копаясь в воспоминаниях. – Вот тут я мигом протрезвел. Я попал на бал!

– Куда!? – Евгений опрокинул свой бокал.

– Как бы это ни звучало, но на бал. – Андрей смотрел в глаза собеседника, вызывая у того мурашек на спине поток. – Век двадцатый, самое начало... Кружились пары в странных танцах, одеяния с картин старинных, прически моды вековой, свет в тысячу свечей. Я во фраке, в перчатках из хлопка. Ищу глазами – где же стопка. Спутница моя знакомить меня ведет к таким же, как она, напудренным, напыщенным, разновозрастным дамам и господам. Меня фамилией моей, но именем другим представляет и графским титулом все подкрепляет. Как не запить тут? Шампанское – бокал, другой... Конфликт, перчатка и дуэль... Стрелял-то я и здесь всегда неплохо...

Андрей раскурил кальян, запахом вишни наполняя атмосферу. Молчал Евгений, не веря своим ушам.

– Да, сатисфакция... Как странно, впрочем, что здесь и сейчас, что там тогда – убийство, пусть даже пафосное, вам двери закрывает в одни дома и, наоборот, в другие их настежь раскрывает. – Бурление кальяна, сладковатый дым – вечер стал более теплым, луна на небе без изъяна. – Вошел и я в тот свет, высший, и оказался на званом вечере, что был заложен в суть моего перемещения временного... Я это понял только там.

– И как же понял?

– Пока мы к клубу шли, мне Зверь... – Андрей затянулся вновь, – иль человек в его облики, инструкции давал, но в тот момент я был клубной жизнью ослеплен и до конца его не понимал. Сам бал и вечер тот был изрядно заморочен и, сказать по-нашему, к сделке воровской приурочен. Собралось общество одно, делили маржу меж собой с постройки храмов в нескольких губерниях. Был тут и поп в красивой рясе, и так же алчно глаза его горели, ох как, Евгений, сладко в том квартете «пели»! Таких посулов я давно не слышал. Но ладно... Об инструкциях моих. Со слов и с письмом того, кто меня послал, я одну губернию представлял, я предложил им денег в два раза больше за один из храмов. – Андрей печально улыбнулся. – Ты бы видел их! Хуже барыг из годков лихих...

– Не согласились? – округлил глаза Евгений, дрожа и глинтвейном ничуть не согреваясь.

– Нет, отчего ж, сначала с неохотой, с пафосом в словах, с зевотой, – перед глазами рассказчика лица тех, с кем торговался он, – потом сладкие до рвоты вопросы: «Зачем и почему? В почти зачахшем поместье откуда деньги таковые? Служу кому?»...

Здесь Андрей тоскливо посмотрел на диск луны, окрашенный закатом, так выразительно и ясно, что понял и Евгений. Что вопрос последний Андрея не меньше терзал его внутри, чем тех, с кем он за церковь торговался.

– Купили?

– Стукнув по рукам. Сургучом скрепили, договор и подписали... – Андрей с кровавым блеском в глазах, что отражали заката свет, в улыбке оскалил зубы, в тот же цвет багровый их «погружая». – Себе смертельный приговор...

– Что, что!?

– Появился Он... – Андрей выпил залпом бокал игристого. – И сказал: «Если хочешь в том же состоянии, что сейчас, вернуться назад, здесь прибраться за собою надо...» – Андрей откинулся на спинку и затих, в глазах закат кровавый.

Евгений тоже замер в кресле. В раздумья без остатка погружаясь, ни вишневый винный вечер, ни закат уже не замечая...

*

Нет, это уже не тот Волька. Мягкий, податливый волчонок. Которого приятно мять, гладить, с ним играть и пытаться навязать свои понятия жизни, волю... Он сам по себе, несомненно, воля.

Алиса, сын, квартира их, гостиная. Туманный вечер за окном промозгло холодит. Свечи полыхают на столе. Книга с изъеденными временем страницами и обложкой. На обшарпанной стене в круге начерчена звезда.

Природный диссонанс – сын старше матери на вид, а внутренне старше всего их поколения. Симметрия в лице, блестящие черные глаза, на них светлых волос упрямо спадает челка – копия отца в мимике и жестах. Алису это радует, пугает и угнетает. Эмоциональным маятником ее то вниз, то вверх толкает.

– Как на работе? – Воля, не отрывая глаз от старой книги, легким подъемом головы обращается в сторону матери.

– Все хорошо... – Алиса говорит, как с другом, мужем или с отцом.

– Не устаешь?

– Конечно, устаю. – Она смотрит сквозь красный цвет льющегося в чашку отвара шиповника и каркаде. – Но так это ведь работа, с... сын. – Сама краснеет в тон отвара.

– А как же уровень прогресса и карьерный рост? – Воля, не отрываясь от книги, грустно усмехается.

– Администратор зала или старший продавец? – Алиса влюбленно смотрит на профиль сына, а думает об инцесте и его вреде. – Деньги те же, а ответственность гораздо выше. Зачем мне это?

И Воля смотрит на нее. Впервые так, с откровенным интересом. Вгоняя в краску. Глаза сощурил. Ищет в ней что-то. Или понимает ход мучивших мать мыслей.

– Ты сейчас про связь? Тебе действительно не нужно это...

– Я про работу! – Алиса вновь краснеет, не зная, куда деть глаза. – Деньги те же...

– Я понял, – сын, отвернувшись, обрывает. – Но можно ведь найти что-то совсем другое.

– Без полного образования, с дипломом музыкальной школы? – она нервно ухмыляется и пьет отвар, на скатерть лужи неуклюже проливая.

– Я думаю, возможно и такое...

– Давай об этом завтра, сын. – Алиса встает, отодвигая с шумом стул. – Сон одолевает...

– Спокойной ночи, мам... – Он подошедшую и склонившуюся к нему целует в щеку, бережно за талию обняв.

Алисе не первую ночь снится тот же сон.

Душный и душащий, как жар пустыни. Предположительно, с песком во рту, без капли влаги. Она нагая лежит на алтаре, вокруг огонь пылает, бушует, как море штормовое. Лижет тело, обжигает. Появляется в проеме храма залы Он. Играет мьшицами тела полу-человека-полусущества, лица не видно, голова в полумраке постоянно утопает, как назло, скрывает. Алису на расстоянии возбуждает и внутренне пытается. Все больше и больше в ней пламя разжигая, он движется к ней, к ее раскаленному ложу. Лица по-прежнему не видно, но оно знакомо, сжимает сердце ей и всю ее до боли. Он ближе, ближе, огонь все жарче, жарче в ней и вокруг нее самой...

Она просыпается в поту. Ветер легкий колышет занавески. В комнате туман, как в утреннем лесу. Пот, липкий от жары. На столе завяла лилия, вчера еще свежа была и благоухала. Дыханье в норме, на цыпочках проходит в душ. Сквозняк мурашки вызывает. Поток воды горячей смывает ночной кошмар и липкость утра. Сквозь звук фена слышится дверной хлопок.

– Воля! – Алиса, крикнув, в ответ слышит тишину и шорох.

Дверь открывает – сын на балконе. Одет, обут. Читает.

– Ты не ложился, сын?

– Поспал недолго, гулял под утро, размышлял... – он вполборота головы с ней говорит.

– Надумал что? – мать кусает губы, глядя на любимое дитё.

– Придумал кое-что, повстречал кое-кого, – вздохнул он глубоко, – а в целом, мама, ничего. Ты на работу собралась?

– Как видишь... – Перед карманным зеркалом ее мимолетный макияж.

– До вечера, поговорим потом.

– О чем?

– Сама поймешь, и, как я уже сказал, всё потом...

Алиса выбегает из квартиры, полной грудью вбирает воздух. Свежо, легко. И нет той конфронтации чувств: любовь, материнство, инцест, связь из кошмарных сновидений... Рабочий день скрасить должен всё.

Снова магазин. Работа. Касса. Конвейер продуктов, денежный расчет. Но все какое-то другое, утомительное до смерти, раздражающее. Деньги, товары, лица, одни и те же лица... Тупые фразы, липкость комплиментов. Стойкий алкогольный перегар пьянчуг...

Как раньше этого всего не замечала? К обеду Алиса вдруг устала, словно отработала четыре смены без выходных. Запуталась не раз в расчетах. Три раза покупателям хамила...

– Что с тобой? – Напротив нее удивленный взгляд толстой Катерины, в жаре распаренное, как в бане, лицо за кассой. – Или твой молодой тебя сегодня не это...?

В двух очередях раздается смех.

– Да, Аля, кто он? – Виктор Палыч качается, как при ветре штормовом тонкая осина. Перегарит бочкой спиртовой. – Вас видели, говорят, здоровая детина. Я ревную. Не без... осно... ва... ния запил...

– Чего!?! – Алиса, не понимая, «застывает», догадка ее приводит к очевидному – что могут подумать люди со стороны. Она и Воля не мать и сын, а...

Она была готова взорваться отборной бранью. И правота их, что была недалеко от ее импульсных желаний, усиливала гнев. Спасли администратор зала и какой-то прилично одетый человек. Администратор кивает в сторону Алисы, что-то говоря, кивает, соглашаясь, и интеллигент.

«Ну вы еще мне про сына и меня скажите!» – Алиса вне себя от переполоха борющихся внутри чувств приподнимается со стула.

– Аля, – администратор возле кассы (в глазах растерянность) прыщавого подростка подвела к кассе, как сына в первый класс. На цветастой футболке того бейджик «ученик», – он тебя подменит, идем со мной!

– Куда?

– Хозяин магазина здесь. – Администратор – тридцатилетняя красивая, холеная, по всем законам фитнеса подтянутая, директора «вторая половина в обход его жены» с теми же функциями и прерогативами, глаза стыдливо опускает. – У нас проблемы, а твой английский и класс с математическим уклоном... Короче, он ждет нас в кабинете.

Два потока ротозеев, застрявшие на кассах, всё поняли без слов. Трактором усмехнулась Катерина. Ее другие гулом поддержали.

– Вот показатель небывалого прогресса... – отворил сарказму и обсуждению «ворота» еще до кассы открывающий портвейн Виктор Палыч. – Здесь по-другому всё, куда же я сослепу полез?

Раздался гул неприятных для Алисы выражений. Она дрожала от гнева и желания оспорить поток оскорбительных предположений. Администратор ее быстро увела.

Прохладный коридор, остановка. Красивая и строгая расплакалась, как ребенок, дорожный макияж свой размазывая по одежде на Алисиной груди. Прижимаясь как к матери родной.

Гнев как-то сам отпал от неожиданности. Машинально Алиса гладит ее по голове.

– Почему? – сквозь слезы и рыдания донеслось.

В голове Алисы – увольнение администратора, смещение по должности, аудит, налоговый провал, закрытие магазина, тюрьма, сошедшая с оси Земля...

Дальнейшие слова ее вернули в коридор, в треск люминесцентных ламп, в прохладу вентиляции складского помещения.

– Почему меня... Сережа так оставил?... – Она икала в промежутках между словами, – Так скоро и трагично, когда... все стало только... только хорошо.

– Да что случилось-то!?! – Алиса женщину раскисшую встряхнула, взглядом ища ее глаза в смеси из слез, ресниц и туши.

– Ты еще... не знаешь? – Она вздохнула с содроганием, всхлипнув. – Он ушел от нас... На пробежке утром, с моста упал... Спрыгнул, говорят.

Алиса, ахнув, машинально ей дала свой платок. И, вспоминая с директором короткие общения, смотрит на приводящую в себя порядок живую женщину его.

– Ты... иди, там хозяин, этот англичанин... Я потом.

Бесконечный коридор. Мерцание ламп. Сожаление о потере. Не близкой, но потере. Дверь в кабинет полуоткрыта. Алиса была когда-то здесь однажды. Вспоминает: директор стоит перед глазами – жизнерадостный, живой.

– ... Говорит, не было у него врагов, – донесся голос из кабинета, переводящий с английского. – Этот бизнес не настолько серьезный, чтобы кому-то перейти дорогу. По его мнению... С подчиненными, насколько известно ему, отличные отношения. Он всегда премировал их, мотивируя, и обоснованно...

То, что сказал жесткий, хоть и молодой, мужской голос, заставило Алису вздрогнуть и разогнало ее воспоминания.

– Ну да, под описание ревнивого соперника тот переросток с моста не походит – слишком молод. – Пауза, видимо, для размышления. – Жена уж слишком в возрасте... Ревновать, хотя в наше время...

– А еще к кому? – голос переводящего диалог до этого слегка надломился.

– Ты что, Лужин? Не видел лицо администраторши? Ты сколько уже в органах?

Шум отодвигаемых стульев. Прощание, извинения.

– Пусть позвонят, когда проверят бухгалтерию! Черт знает, где искать мотив...

Алиса замерла: перед ней в проеме двери высокий человек. В глазах жесткость и недоверие ко всему вокруг. В руках мнет сигарету.

– Ты кто?

– Аля, продавщица.

– Директора знала хорошо? – Сигарета в губах, взгляд жестче.

– Нормально. – Аля пожала плечами, отстраняясь, чтобы дать пройти. – По работе, как и все...

– Не ссорились?

– Да нет... Виделись-то пару раз: во время найма и... – Алиса сглотнула слюну. – Я здесь всего несколько месяцев.

– Ну-ну... Иди... Лужин!

Они уходят с напарником, подмигивающим ей весело. Из коридора с эхом доносится:

– Несколько месяцев... Я за эти несколько месяцев поседел, сон потерял, жена почти ушла с детьми, – долетело эхом до слуха Алисы. – Что за город?

Он скорее был голландец, чем англичанин. Вежливо предложил Алисе сесть. Разобраться в финансовой отчетности, подробно. Угостил чаем. Сделал комплимент ее английскому. Ей. Математическим способностям. Полчаса говорили на отвлеченные темы. Затем с улыбкой предложил временно, на несколько месяцев, занять место... директора(!).

– Молодость, перспективы, развитие... – Он улыбался несколько неэтично – слишком широко, во весь рот. – Я подумываю о глобальном расширении в сфере торговли, возможно, у вас большое будущее, Аля. – Он исковеркал, как мог, имя из трех букв. – А у нас с вами в будущем тесное сотрудничество, поработайте для начала здесь ...

Она едва пережила этот день. Оставив косые взгляды, усмешки и открытую неприязнь в стенах магазина, Алиса медленно шла домой. Не спеша – впервые она боялась увидеть сына. Своего любимого Вольку.

*

Андрей и Евгений все там же на балконе. Луна как будто тоже неизменно с ними. Вино, кальян как продолжение разговора. Но тишина – раздумье после нескучного рассказа. Глухой крик болотной выпи доносится издалека. «Пробуждает», сигналом дает продолжение диалогу.

– О чем ты думаешь, скажи?

– Кому продался я...

– Я хоть и не инсайдер, лишь посторонний наблюдатель в этом деле, но это, как мне кажется, как раз-таки и очевидно...

– Значит, должен быть и ответ в другую сторону, точнее, вверх, чтобы отбелить себя и жить спокойно или умереть не менее спокойно...

– Как-то все звучит трагично, – Евгений кальяном побурлил и выдохнул обильно дым, – не находишь? Чтобы вот так прийти в себя, подняться с самого дна, после того, что было!? И спокойно умереть...

– Я устал этого хотеть...

– Но это в прошлом! Теперь-то ты живешь, не прозябаешь, тем более не умираешь. – Евгений дымом поперхнулся от очередной затяжки. – Оглянись вокруг, она прекрасна – жизнь, и тебе понять доступно дали: бежать не надо, надо дальше жить!

– Подвох я чувствую, и странно, – Андрей оглянулся вокруг, словно в первый раз он на балконе этом, – что ты не видишь этого... Сам знаешь, где лежит бесплатный сыр.

– Оставь ты фразы и пословицы, затертые до дыр. Ты в прекрасном положении, больше позитива, с тобой случилось то, что я готов бы испытать и сам. Это не квест и не за деньги, щекочет нервы адреналин на грани жизни и ее концовки. – Евгений встал, прошелся по длине балкона, снова сел. – Только я испытал бы это все от скуки, ты же... отлично выглядишь, здоров, после долгосрочной муки. Да я устал тебе твердить, уже и сам запутался, тебе надо просто жить...

– Но он придет ведь снова... – Андрей слегка глаза расширил, пытаясь проникнуть в непонимание друга.

– И что?

– Так мне придется, может, сделать что-то еще, что обретет меня на муки вечные. Это знаешь, как бывает, когда вот только-только все хорошо...

– Хватит, Андрей! – Евгений встал, завернут в плед, как трибун из Рима «обращается к толпе»: – Я слышу лишь нытье... Скорее всего, ты трясешься от похмелья.

– Похмелья жизнью? – Андрей устало улыбнулся. – Что дальше? Поцелуй со смертью, с ней же пьяный полуночный секс?

– Ну вот, опять! – Евгений нашелся внезапной мыслью, выйдя из порыва гнева: – Позвони Настасье, она прекрасна и умна, пусть скрасит твоей тоски раздолье...

– Настасья... – Андрей усмехнулся грустью. – А кто она?

– Что!?

– Сама она... откуда появилась?

– Не знаю. – Евгений оторопело смотрит в глаза Андрея, разглядывая отражение пары лун в них. – Тебе видней...

– То-то и оно. – Он налил вина бокал и осушил его мелкими глотками. – Придут за мной или за ней...

– Стоп-стоп, – Евгений проникся интересом. – А как вы?...

– Случайно. – Андрей налил в бокал еще, убрал под стол пустую тару. – Хотя в случайности теперь уже не верю...

– В смысле?

– В прямом. – Он снова выпил, и, видимо, алкоголь не действовал на него. – Я говорю пространственно о ней. А мне кажется, она сейчас стоит за этой дверью.

Евгений посмотрел на дверь балкона. На черноту ее полной тонировки. Андрей смотрел туда же. Оба сглотнули слюну одновременно. Крикнула пролетевшая мимо них ворона. Евгений привстал и протянул руку к двери. Его опережая, та медленно открылась, тихим скрипом нарушая тишину. В дверях Настасья. В лунном свете. Красива и невинна с виду. В глазах печаль. Платье темное стройнит фигуру. В ушах два бриллианта звездами сверкают.

– Андрей, я вас искала, и не первый день... – Мгновенно загоралась радость в ее глазах, печаль сменяя.

– Настасья? – Андрей удивление не скрывает. – А вы как здесь?

– Мне в вашем офисе, – она взглянула мельком Евгению в глаза, затем к мужчине своему обратилась, – об этом адресе сказали.

– Мм-м, простите, у нас серьезный разговор, минут на пять, не больше, – Андрей подошел к ней и поцеловал. – В гостиной подождите. Напитки, фрукты на столе, отдохните с дороги, ведь устали...

– Конечно. – За ней закрыта дверь.

Андрей спиной к ней. В глазах недоумение.

– Что скажете теперь?

– Ну что ж, эффектна в появлении... Как актриса. – Евгений, сглотнув слюну, снова вспомнив камыши и купальщицу в их первое знакомство, отпил затем вина. – Впрочем, ей под стать – эффектна и она сама.

– Да, но... – Андрей подошел к Евгению вплотную. – Поверь, об этом адресе никто не знает, и даже в офисе, и здесь я не блефую... Что за чертовщина!?

– Тише, – сказал Евгений, борясь с нахлынувшим ознобом и мурашками на теле, – тише... Будь в конце концов мужчиной!

*

Алиса долго шла домой. Впервые так долго. Сидела в парке до сумерек. Давилась круасанами с кислым лимонадом. Прошла вдоль дома не один раз. Смотрела в окна, в их слабое свечение. Прислушивалась к звукам. И вечер с ней, затихнув, ожиданием дышал, как перед ненастьем. Нерешительность прервал звонок телефона:

– Алло, мама, может, хватит прятаться между деревьями парка? – голос Воли заставлял дрожать от страха и от чего-то далекого, забытого, случившегося однажды с его отцом. – От себя не спрячешься – невозможно, от меня тоже. Пора домой, ...мама.

– Да, сын, я уже иду, – Алиса почувствовала, как покраснела лицом. – Хотелось побыть одной: эти покупатели, коллеги по работе... Никакой этики.

– Но уже же все хорошо?

– Да. И я уже иду.

В квартире тишина. Запредельная. Казалось, сюда не проникают звуки улицы. Хотя какие? Там тоже слишком тихо. Воля за столом. Перед ним старинный пергамент. На нем символы и странные схематичные изображения. Алиса только мельком взглянула на сына и вновь испытала дрожь.

– Тебе не стоит бояться меня, мама... – Повернув к ней голову, он на секунду сверкнул желтизной глаз. – Я не причиню тебе зла. Тебе нужно опасаться людей... Других. Своих чувств и внезапных, неосознанных желаний. Скажу тебе, если ты вдруг не знаешь, звери часто моногамны...

Алиса покраснела до корней волос. Перед сыном. Она прятала чувство стыда, отвернувшись к кухонным шкафам в поисках чего-либо.

– Ты сейчас... это к чему, сынок?

– Если ты ищешь сахар, то он на столе, и кружки, и лимон... и всё, что тебе нужно. Алиса чувствовала, как взгляд его глаз прикован к ней. И боялась повернуться.

– Это я к тому, что и женские особи этих зверей, так же моногамны. Я надеюсь, ты не забыла моего отца?

Она резко повернулась к нему в порыве гнева.

– А о какой полигамии идет речь, я ни с кем и никогда!...

– Надеюсь... – Воля улыбнулся, притупляя взгляд. – Как обстоят дела на работе?

– Все в порядке! – Алиса кипела изнутри и не из-за ложных обвинений сына, а из-за того что они били в цель, но в несколько другую. – Меня повысили.

– Карьерный рост? – Волька внезапно усмехнулся, показав острые клыки зубов.

– Слишком стремительный скачок... Такая редкость для такой периферии. – Она, глядя в его черные, как ночь, глаза, резала лимон, остервенело, как режут плоть в поединках насмерть. – Что думаешь об этом ты?

– Я рад, мам. – Он встал и, подойдя, положил руку на ту её, что резала лимон. Вызывая потоки дрожи. – За тебя. И может, как раз для такой периферии это и нормально...

– А ты не знаешь об этом ничего?

– Нет.

Алиса, сев, вкратце рассказала о ротациях в магазине. О реакции в их коллективе. О гибели директора трагической. О случайных очевидцах.... Она смотрела в глаза сына, ища каких-либо изменений от получаемой им информации, но тщетно.

– Да, пути господни неисповедимы. – Воля смотрел на мать, что чай пила напротив с одержимостью в глазах. – Но разве ваш директор не жил двойной жизнью? Не променял свою семью, жену, детей на любовницу молодую?...

– И что? Это наказание за грех!?

– Спокойно, мама. – В голосе ее любимого волчонка послышался рык. – Грех – понятие субъективное, для каждого своё. И наказание также каждому проступку эквивалентно.

– Ты снова о полигамии?..

– Директора? – Воля улыбнулся, отразив плафона свет в глазах.

Сын демонстративно закинул ногу на другую.

– Вообще...

– Давай не будем о плохом. Сыграешь, может?...

– Что!? – Алиса выдохнула с вопросом всю бурю эмоций, что в ней бушевала.

– Я скучаю по той мелодии из детства, что ты играла мне... – Он замахал ногой, сверкнув глазами и поправив челку так, как делал всегда его отец. – По минорным переборам клавиш, по звукам, что рождали прикосновенья твоих красивых рук к «сердцу» рояля, его душе... Сыграй мне, мама, про то, как волк воет на болоте на полную луну тоскливо и уныло, ожидая от нее ответа эхом. Так тоскливо, что сердце холодит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.